

К.М.Труевцев

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» — ХОД, АКТОРЫ, ТЕХНОЛОГИЯ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Ключевые слова: арабский мир, демократизация, революционный процесс, оппозиция, ислам

Политические процессы, которыми столь богат оказался 2011 г., невольно наводят на мысль о тектонических сдвигах в политическом устройстве, имеющих в конечном счете глобальное измерение. Некоторые из них уже произвели существенный политический эффект в форме состоявшегося или очевидно намечившегося переформатирования странового или регионального политического пространства, другие еще ждут своего отражения в институционально-политической сфере.

Это позволяет предположить, что речь идет о новой волне демократизации, подобной имевшей место в 1989—1991 гг.

Волнения, начавшиеся под лозунгом «Оккупируй Уолл-стрит», прокатились по 82 странам; противостояние на грани гражданской войны бушевало в Греции; Англия была охвачена волной уличных беспорядков; массовые акции гражданского протеста прошли в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Португалии; в Индии вспыхнуло массовое движение против коррупции, вынудившее парламент принять соответствующие законодательные акты; сведения, просачивающиеся из Китая, свидетельствуют о волнениях в провинциях и масштабном выходе из КПК ее членов.

И все же несомненной кульминационной точкой политических процессов ушедшего года стали события в арабских странах, известные как «арабская весна». Эти события заслуживают особого, по возможности детального, рассмотрения, и именно их анализу и посвящена эта статья.

* * *

Начало «арабской весне» положили беспорядки в окрестностях тунисского города Сиди Бусаид 24 декабря 2010 г. В течение недели стихийные манифестации охватили практически всю страну, достигнув апогея к 12 января 2011 г. 13 января полиция открыла огонь по демонстрантам, но это лишь усилило волнения, и 14 января президент Туниса Зин аль-Абеддин бен Али бежал из страны. Новым президентом, согласно конституции, был провозглашен спикер парламента Фуад Мебаза, сформировавший временное правительство национального

единства. 24 ноября 2011 г. в республике состоялись выборы в Учредительное собрание, задачей которого является выработка и принятие новой конституции.

В Египте волнения, аналогичные тунисским, происходили с 25 января по 11 февраля 2011 г. и закончились не менее драматично — отставкой правительства, а затем и президента Хосни Мубарака с последующим преданием его суду. Власть перешла к Высшему совету Вооруженных сил во главе с генералом Мохамедом Хуссейном Тантави. Выборы нового президента назначены на июнь 2012 г.

В Алжире, как и в Тунисе, беспорядки начались в декабре 2010 г. и продолжились в феврале-марте 2011 г. В них приняли участие как исламисты, так и оппозиционные берберские партии. Одной из главных движущих сил стало «Национальное объединение за перемены и демократию», проведшее 12 февраля демонстрацию с требованием отставки президента Абдель Азиза Бутефлики и отмены закона о чрезвычайном положении, действовавшего в стране почти 20 лет. 24 февраля закон о чрезвычайном положении был отменен, однако полиция и дальше продолжала жестко подавлять выступления оппозиции.

В Иордании первые выступления пришлись на середину января 2011 г. Почти сразу манифестанты стали выдвигать политические требования, настаивая на отставке премьер-министра Самира ар-Рифаи. Отправив правительство ар-Рифаи в отставку, король Абдалла II предложил представителям оппозиции посты в новом правительстве, но те отказались. 25 февраля оппозиция потребовала проведения досрочных выборов и внесения в конституцию изменений, ограничивающих власть короля и, по сути, превращающих Иорданию в конституционную монархию.

24 марта, добиваясь отставки нового премьера Маарифа аль-Бахита, прекращения репрессий и проведения политических реформ, оппозиция разбила палаточный лагерь в центре Аммана. Произошли столкновения демонстрантов с полицией. На следующий день палаточный лагерь был ликвидирован, но волнения продолжались и в апреле.

Волнения в Йемене начались в январе 2011 г. 26 февраля о переходе на сторону оппозиции заявили шейхи доминирующих на севере страны племенных союзов Хашид и Бакиль, а 21 марта — сводный брат президента Али Абдаллы Салеха генерал Али Мохсен аль-Ахмар.

Для урегулирования ситуации в Йеменской Республике Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) была создана комиссия, выработавшая план, который предусматривал добровольную отставку Салеха в обмен на предоставление ему и его семье гарантий безопасности. 11 апреля канцелярия президента заявила о его согласии с планом ССАГПЗ, но менее двух недель спустя это решение было пересмотрено. Кровавые столкновения в стране продолжались до тех пор, пока 24 ноября Салех не подписал в Эр-Рияде указ о передаче полномочий вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади на

переходный период в 90 дней, в течение которого должны были состояться президентские выборы.

Первые протестные акции в Саудовской Аравии прошли 29 января в г. Джидде и возобновились после ареста учредителей новой политической организации «Партия Исламской уммы». Среди участников протестного движения оказались в том числе и шииты Восточной провинции. Король Абдалла ибн Абдель Азиз ас-Сауд молниеносно отреагировал на обострение обстановки, выделив громадные средства на социальную поддержку населения и одновременно продемонстрировав решимость жестко пресекать любые действия оппозиции. На 11 марта в королевстве был назначен «День гнева», но попытки его провести были в зародыше подавлены властями. Тем не менее протестное движение шиитов в Восточной провинции приобрело определенный размах, а после введения саудовских войск в Бахрейн даже усилилось.

В Бахрейне демонстрации с требованием политических реформ начались 14 февраля 2011 г. 16 февраля на Жемчужной площади в центре столицы собрались тысячи бахрейнцев. Они разбили палаточный городок и (по аналогии с Каиром) переименовали площадь в ат-Тахрир (площадь Освобождения). 14 марта по приглашению властей в страну прибыли 1000 военнослужащих из Саудовской Аравии и 500 полицейских из ОАЭ. В Бахрейне было объявлено чрезвычайное положение сроком на три месяца, и 16 марта на главную площадь Манамы были введены войска. При разгоне демонстрации погибло несколько человек, сотни получили ранения. 17 марта были произведены аресты руководителей оппозиции.

18 февраля массовые беспорядки вспыхнули в Джибути. Демонстранты требовали досрочной отставки президента Исмаила Омара Гелле, клан которого правит в стране с момента получения ею независимости. Демонстрации и столкновения продолжались вплоть до 3 марта и сопровождались арестами руководителей оппозиции. 8 апреля на очередных президентских выборах Гелле одержал убедительную победу, набрав 80% голосов.

В Ливии первые столкновения протестующих с полицией зафиксированы 15 февраля 2011 г. 20 февраля против демонстрантов были применены вертолеты и крупнокалиберное оружие, и уже в марте в стране развернулась полномасштабная гражданская война.

17 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию, санкционировавшую любые действия иностранных государств по защите мирных жителей страны (за исключением ввода оккупационных войск), что было использовано НАТО не только для подавления авиации и ПВО Муаммара Каддафи, но и для активного военного вмешательства в конфликт на стороне восставших. 21–22 августа повстанческие войска (по некоторым данным, не без участия спецназа ряда стран НАТО) захватили Триполи. Власть в стране перешла в руки оппозиции. 20 октября Каддафи был схвачен и убит.

20 февраля многолюдные демонстрации прошли в Касабланке и ряде других городов Марокко. Они носили в основном мирный характер и отражали недовольство части общества проектом новой конституции. Противники проекта считали, что предлагаемые в нем изменения носят косметический характер, и требовали более радикальной реформы структуры власти. Однако эти требования не получили массовой поддержки, и на референдуме 1 июля 2011 г. новая конституция была принята 99% голосов при явке 73%.

На февраль приходятся и первые волнения в Кувейте. Они начались на северо-западе страны среди так называемых «бидун» (от арабского «бидун» — «без»), требовавших предоставления им кувейтского гражданства, а затем перекинулись на пригород эль-Кувейта ас-Салибию, где к ним присоединились и граждане Кувейта, выдвинувшие политические лозунги. И хотя с помощью беспрецедентных денежных вливаний в виде «эмирского гранта», предоставляемого каждому кувейтцу, эмиру Сабаху аль-Ахмеду аль-Джаберу ас-Сабаху удалось частично снять напряжение, в середине марта выступления с требованием политических реформ возобновились. Лишь временный эффект дала и последовавшая 31 марта отставка правительства Кувейта, и уже осенью утихшие были протесты вновь стали набирать силу.

В конце февраля беспорядки охватили западную провинцию Омана Дофар, морской порт и промышленный центр Сохар, а также оазис аль-Бурейми. Протестные выступления, в ходе которых были убитые и раненые, продолжались до середины апреля.

В Катаре не было уличных беспорядков, однако в феврале в интернете появились обвинения в адрес правящей династии и исполнительной власти и призывы к проведению демонстраций протеста, а 3 марта было сообщено о предотвращении государственного переворота.

Не стала исключением и Сирия. Волнения там начались позже, чем в других странах, — 18 марта, когда в ходе подавления демонстрации в г. Дераа на границе с Иорданией пролилась первая кровь. Кровавые столкновения, перекинувшиеся на Дамаск, Алеппо, Хомс, Латакию и другие основные города, а также на ряд провинций, не прекращались на протяжении всех последующих месяцев 2011 г. и привели к многочисленным жертвам. Фактически страна оказалась на грани гражданской войны¹.

¹ Обзор составлен на основании интернет-источников.

* * *

Я сознательно постарался сделать обзор событий как можно более сухим и отстраненным, дабы избежать привходящих оценочных суждений, способных повлиять на последующий анализ.

Какие выводы можно сделать из приведенных фактов?

Прежде всего впечатляет сам размах процесса, охватившего практически все политически стабильные ранее арабские страны, за исклю-

² В Ливане, Судане, Сомали и Палестинской автономии политическая нестабильность в период «арабской весны» оставалась на уже привычном для этих территорий высоком уровне.

чением ОАЭ². Не случайно поэтому некоторые аналитики характеризуют его как «панарабскую революцию».

Не менее впечатляет и удивительная синхронность событий в разных арабских странах: почти повсеместно их пик приходится на февраль-март 2011 г., а точнее, на середину февраля — начало марта, то есть укладывается в 3—4 недели. Исторические аналогии просматриваются, пожалуй, лишь в трех случаях: (1) революционный процесс в России и Европе в 1917—1921 гг., (2) массовое освобождение африканских колоний в 1960 г. и (3) революции 1989 г. в Восточной Европе. Однако первые два прецедента все же уступают панарабскому процессу в масштабах свертывания исторического времени-пространства, а последний, будучи близким по временным параметрам, не дотягивает до него с точки зрения пространственного охвата.

Такая синхронность революционного процесса неизбежно завораживает и очень часто толкает на путь простейших объяснений, что и происходит в отношении событий в арабском мире.

Наконец, обращает на себя внимание «неклассичность» развертывания процесса. Мы настолько привыкли рассматривать революционные события по схеме «экономический кризис — социальное недовольство — политический взрыв», что отсутствие экономического компонента заставляет усомниться в возможности глубинных политических перемен неэволюционного типа.

Два года назад мне уже приходилось писать о том, что глобальный экономический кризис в гораздо меньшей мере затронул арабский мир, чем большинство других регионов мира, причем это относится не только к богатым нефтедобывающим странам, таким как Ливия и Алжир, не говоря уже о монархиях Персидского залива, но и к странам среднего достатка вроде Сирии или Египта³. Тем более это верно сегодня, когда накал экономических неурядиц снизился — опять же для арабского региона в большей степени, чем для Запада, ввиду благоприятной нефтяной конъюнктуры.

Конечно, повод для экономического недовольства всегда найдется, и экономические мотивы звучали среди прочих в Тунисе, Египте и даже в Ливии. Примерно так же обстоит дело с социальными мотивами, например с недовольством ущемленных национальных или конфессиональных групп, таких как шииты в Бахрейне, «бидуны» в Кувейте, кабилы в Алжире или копты в Египте. Но при всем их значении не эти мотивы были решающими в ходе выступлений, и не ими определялись основные требования выступавших.

NB! В Бахрейне шиитский фактор превратился в главный повод для подавления восстания только потому, что шииты составляют большинство населения страны и, соответственно, и их доля среди выступавших была наибольшей. И здесь интересы правящего в Бахрейне суннитского клана, естественно, переплелись с интересами Саудовской Аравии, ОАЭ и других монархий Персидского залива,

³ См. Труевцев 2009.

где имеется относительно многочисленное шиитское меньшинство. Учитывая непосредственную близость Бахрейна к шиитскому Ирану, даже потенциальная угроза прошиитского переворота в этом государстве могла повлечь за собой цепную реакцию во всех этих странах.

Главным во всех или почти во всех выступлениях было требование изменения существующих политических институтов с той лишь разницей, что в одних случаях речь шла о глубоком реформировании структур власти, прежде всего исполнительной, а в других — о полной смене режима.

* * *

Абсолютно новым для арабского мира и совершенно неожиданным для большинства экспертов и аналитиков был состав участников выступлений. В самом деле, кому еще в конце декабря 2010 г. могло прийти в голову, что в Тунисе, например, в числе видных организаторов протестных акций окажутся местные рэперы, не утратившие популярности и по сей день, что не только там, но и в Египте, Бахрейне и даже в сохранившей средневековый колорит Санае среди их участников будет так много женщин, что в Египте мусульмане будут протестовать в одних рядах с коптами, что в Бахрейне, наряду с шиитами, будет достаточно широко представлена и суннитская община, что в Кувейте вместе с «бидунами» выступят и полноправные граждане, включая некоторых членов парламента?

Из примерно 30 зарегистрированных политических партий Египта восстание поддержала лишь десятая часть. Подавляющее же большинство этих партий осталось в стороне от народных выступлений.

Главными застрельщиками акций протеста оказались недавно появившиеся на политической сцене движения. Среди них выделяются «Движение 4 апреля», возникшее несколько лет назад на базе забастовочного движения в Хелуане и других промышленных центрах, а также молодежное движение «Кифая» («Хватит»), аналог украинской «Поры» и грузинской «Кмары»⁴. Массовости выступлениям добавило участие в них членов до сих пор не разрешенной официально партии «Братья-мусульмане» и ее филиалов. Вместе с тем не вызывает сомнений, что «мусульманское братство» не было изначально в числе ключевых организаторов и участников волнений, а присоединилось к ним, ощущая, что политическая инициатива в рядах оппозиции, почти безраздельно принадлежавшая ему в прежние годы, переходит к другим силам.

Уже после начала волнений стали создаваться новые политические партии. Всего с весны по октябрь 2011 г. их образовалось около десятка. В их числе социал-демократическая партия, а также ряд партий левого, либерального и консервативного направления. В своем большинстве они позиционируют себя в качестве оппозиции — теперь уже

⁴ В переводе с грузинского «Кмара» тоже означает «Хватит».

Высшему совету Вооруженных сил, взявшему в свои руки временное управление страной.

Переформатирование политического поля, связанное с появлением на нем новых игроков, многие из которых с самого начала оформляются не как партии, а как массовые общественно-политические движения, характерно не только для Египта, но и для ряда других арабских стран. Столь же характерным с приближением выборов становится объединение этих движений, а также вновь образовавшихся партий в избирательные блоки. В этом отношении нынешний политический процесс в арабских странах воспроизводит сценарий, по которому развивались события в Восточной Европе (начиная с осени 1989 г.) и позднеперестроечном Советском Союзе. Определенные аналогии просматриваются и с «цветными революциями» на Украине, в Грузии и Киргизии.

* * *

Размах волнений, прокатившихся по арабскому миру, стал неожиданностью не только для аналитиков, но и для правящих кругов многих из охваченных ими стран, что на какое-то время парализовало их способность к адекватному реагированию. В итоге мы видим либо паралич власти, как это было в Тунисе и Египте, либо чрезмерное применение силы, которое лишь усугубило противостояние, как в Ливии, Йемене и Сирии. Более эффективной оказалась попытка подкупа выступавших и их потенциального резерва, к которой прибегли власти Кувейта, что дало им выигрыш во времени, однако, судя по осенней ситуации, они не смогли им должным образом воспользоваться.

Фактор неожиданности практически всегда играет существенную роль во всякого рода политических переворотах. Гораздо интереснее, чему именно обязаны полученным ими преимуществом внезапности выступавшие.

Если в индустриальную эпоху залогом успеха являлся захват стратегических инфраструктурных объектов (достаточно вспомнить фразу В.И.Ленина о телеграфе, телефоне, железнодорожных станциях и мостах), то в информационную ключевое значение приобретает медийная инфраструктура. В Польше 1970 г. «ксероксная революция» позволила движению «Солидарность» обеспечить себе такое информационное опережение, что введение чрезвычайного положения уже не смогло остановить приобретшей общенациональный размах деятельности оппозиции. В странах Восточной Европы в 1989 г. победе оппозиционных сил во многом способствовал подрыв партийно-государственной монополии на СМИ, прежде всего на телевидение.

В арабских странах, где телевидение, как правило, находится под жестким государственным контролем, решающую роль сыграли так называемые «новые медиа» в виде социальных сетей. В первую очередь это относится к Египту и Тунису, революции в которых с подачи блоге-

ров стали называть «твиттерными», но и в Сирии, Ливии и даже в Йемене социальные сети внесли весомый вклад в первичную мобилизацию радикальных молодежных групп, которые практически повсюду выступили в качестве главных застрельщиков и организаторов выступлений. Остальное доделала улица. Эта технология и базирующийся на ней ход выступлений характерны не только для перечисленных стран, но и для большинства других государств арабского мира.

* * *

Ставший неожиданностью для всех размах арабских революций и волнений обусловил не очень адекватную реакцию на происходящее не только местных правящих кругов, но и мировой общественности. На Западе это была если не совсем неоправданная, то, во всяком случае, преждевременная эйфория по поводу состоявшейся демократизации (недаром же в Израиле «арабскую весну» встретили скорее с беспокойством и скептицизмом, чем с воодушевлением). В свою очередь, в России превалируют публикации конспирологического толка, общий смысл которых, как правило, сводится к тому, что эти события были инспирированы, а то и целиком подготовлены Западом, прежде всего Соединенными Штатами.

Нельзя сказать, что подобные представления не имеют под собой никакой подоплеки. Еще несколько лет тому назад администрация предыдущего американского президента Дж.Буша-младшего выступила даже не с концепцией, а с доктриной демократизации на Ближнем Востоке. Несмотря на скептическое отношение к этой доктрине во многих странах, включая и ряд союзников США, вашингтонское руководство упорно продвигало ее.

Первой ласточкой в реализации этого курса стали свободные выборы на палестинских территориях. Как известно, они привели к победе движения ХАМАС и фактическому расколу автономии, который удалось преодолеть, да и то относительно, только сейчас.

Соединенные Штаты, а вслед за ними и другие страны Запада отказались признавать ХАМАС в качестве партнера по переговорам, рассматривая его как террористическую организацию. Единственной стороной международного ближневосточного «квартета», поддерживающей контакты с этим движением, сегодня является Россия.

Уже один этот пример ясно показывает, что внутренние перемены в странах Ближнего Востока, как бы ни расценивать их с ценностных позиций, не дают оснований ни для особого оптимизма на Западе, ни для сокрушений по поводу подрыва российских интересов у нас.

Разумеется, курс на демократизацию Ближнего Востока не сводился к словесным декларациям. Проведение его в жизнь было связано с давлением на правящие круги соответствующих стран, дабы побудить их к смягчению режима, прежде всего через либерализацию избирательного законодательства. Кроме того, США, а затем и страны Евро-

союза стали устанавливать прямые контакты с арабской интеллигенцией, молодежью и другими представителями того, что трактовалось как гражданское общество, причем не только с целью оказания на них идейно-политического воздействия, но и для подготовки их к политическим действиям по методике, разработанной американским профессором Дж. Шарпом и уже неоднократно опробованной в начале текущего столетия в Сербии, на Украине, в Грузии, Киргизии и некоторых других странах⁵.

⁵ Книги Шарпа «The Politics of Nonviolence Action» и «Civilian-Based Defense» (Sharp 1973, 1990) были переведены на арабский язык и активно использовались при подготовке арабских выступлений. Об этом свидетельствует, в частности, ряд публикаций по этому поводу в самих арабских странах. См., напр. Египет 2011, где приводятся высказывания в Твиттере активистов и участников египетских волнений.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что подобная деятельность проводилась не ради свержения существующих на Ближнем Востоке режимов, а скорее в рамках борьбы с международным терроризмом («глобальным джихадизмом» по американской терминологии).

Действительно, трудно себе представить, что, осуществляя курс на демократизацию Ближнего Востока, Соединенные Штаты стремились к свержению столь лояльных к ним режимов, как режим Мубарака, не говоря уже о режиме бен Али, в свое время проходившего подготовку в спецслужбах Франции и США и всегда проводившего согласованную с их руководством политику. Зато в логику их действий вполне укладывается расчет на то, что смягчение данных режимов параллельно с подготовкой базы для демократизации за счет повышения роли либеральных и умеренно консервативных кругов ослабит влияние там радикального исламизма.

Единственный арабский режим, мотивы для свержения которого, безусловно, имелись у Запада, — это режим Асада в Сирии. Однако волнения в Сирии начались значительно позже, чем в большинстве других арабских стран, и в этом отношении она явно выпадает из цепи спонтанности и перманентности общеарабского политического процесса.

Совершенно особый случай представляет собой Ливия. С оппозиционными Каддафи кругами Запад не поддерживал практически никаких контактов, и начало восстания в Бенгази оказалось для него полной неожиданностью.

Все это, на мой взгляд, вполне убедительно свидетельствует о том, что конспирологические концепции, при всей их внешней соблазнительности, по меньшей мере недостаточны, чтобы объяснить ход и содержание панарабского политического процесса.

* * *

Сам процесс этот еще далеко не завершен, тем не менее некоторые тенденции уже просматриваются — и рисуют гораздо более сложную картину, чем кажется на первый взгляд.

Среди промежуточных итогов представляется целесообразным выделить следующие.

Первые свободные выборы, прошедшие после волнений в трех странах Северной Африки — Тунисе, Марокко и Египте, — во всех трех случаях завершились победой исламских сил. На парламентских выбо-

рах в Марокко наибольшее число голосов и, соответственно, мест в парламенте (107 из 395) получила исламистская партия «Справедливость и развитие»; на выборах в Учредительное собрание Туниса 90 из 217 мест завоевала умеренно исламистская партия «ан-Нахда», которую поддержало около 42% избирателей; в египетском парламенте после трех туров выборов 237 мест (из 498) досталось партии «Свобода и справедливость», являющейся ответвлением движения «Братья-мусульмане», и еще 120 — радикальной салафитской партии «ан-Нур». Учитывая ситуацию в Алжире и Ливии, где исламисты либо играют доминирующую роль в рядах оппозиции, как в первом, либо весомо представлены в новых властных структурах, как во второй, очевидным результатом политического процесса в регионе стало превращение исламских партий и движений в ключевую политическую силу, в том числе на уровне власти.

Другой результат, тесно связанный с указанным выше, — превращение консервативных арабских режимов, прежде всего монархических, и в первую очередь Саудовской Аравии, где политический ислам уже представлен на властном уровне, в ведущую политическую силу региона, во всяком случае — в краткосрочной перспективе.

Конечно, внушительная победа исламистов на выборах в Египте подтвердила правоту тех аналитиков, которые высказывали сомнения в оправданности оптимизма по поводу местного гражданского общества, подчеркивая, что в силу особенностей социальной структуры и социально-психологического климата в стране не только село, но и городские низы там ориентируются вовсе не на либеральные, а на традиционные ценности, в значительной степени связанные именно с исламской традицией⁶.

⁶ Подробнее об этом см. Труевцев 2007.

В то же время нельзя не обратить внимания на один очень важный нюанс. И в Тунисе, и в Марокко, в отличие от Египта, успех исламистов на выборах не был абсолютным. Это означает, что при формировании правительств им придется идти на коалицию со светскими, в том числе либеральными, политическими силами, что, естественно, должно сказаться на характере проводимой ими политики.

Данное обстоятельство уже нашло отражение в ряде заявлений лидеров тунисской партии «ан-Нахда», пообещавших сохранить светский характер государства, не вводить запрета на участие женщин в политике и не требовать от них обязательного ношения мусульманской одежды. Все это позволяет надеяться на то, что, придя к власти, они будут ориентироваться скорее на турецкий вариант политического ислама, чем на более консервативные его модели.

Еще один компонент политического процесса в регионе — повышение степени представленности в политическом спектре многих арабских стран, включая тот же Египет, левых сил. Это сдвиг, возможно, не столь заметен, как продвижение исламистов, но он свидетельствует о растущей поляризации общества, которая, в свою очередь, не может не отразиться на ситуации в политических исламистских структурах.

В частности, в Египте «Братья-мусульмане» стоят перед дилеммой — либо вступать в коалицию с радикалами из «Ан-Нур», либо ориентироваться на коалицию с представленными в парламенте либеральными силами. Очевидно, что от этого будет зависеть характер будущего правительства и его политический курс.

* * *

Как было показано выше, хотя волнениями оказались охвачены практически все арабские страны, характер этих волнений и их результаты были далеко не одинаковыми. Если в монархиях речь шла главным образом о реформах, не затрагивавших основ монаршей власти, то в республиках дело часто оборачивалось свержением существующих режимов.

Этот факт выводит нас на проблематику, связанную со специфической авторитарных политических режимов в целом.

Несмотря на то что в последней трети XX в. многие страны Восточной Европы, Латинской Америки и Азии перешли к демократии, авторитарные политические режимы по-прежнему широко распространены. Хотя ареал преобладания авторитаризма сузился, подобного рода режимы характерны для значительной части государств Азии, Африки и постсоветского пространства.

Ведя свое происхождение из доиндустриальной эпохи, когда он (в виде абсолютных монархий) был господствующим типом политического устройства, авторитаризм претерпел существенные изменения, сохранившись в классическом виде, пожалуй, только в одной стране мира — Саудовской Аравии. Во всех остальных авторитарных государствах он представлен в двух основных формах — ограниченных (конституционных) монархий и президентских республик.

К числу ключевых, если угодно — телеологических, функций авторитаризма относятся национальная консолидация и первичная модернизация. Обе эти функции отчетливо просматриваются уже в авторитарных режимах классического типа, особенно на завершающих этапах их развития. Не менее выражены они и в современном авторитаризме, который, как было замечено в свое время еще Г.Алмондом и Дж.Пауэллом, изначально носит транзитный характер и присущ в первую очередь доиндустриальным или частично индустриальным обществам⁷.

⁷ См. Almond, Powell 1966.

На мой взгляд, арабский регион является довольно наглядной иллюстрацией к той части типологии политических систем Ж.Блонделя, которая касается развивающихся стран, подразделяя их на консервативные и популистские (прогрессистские). Этим двум типам соответствуют последовательно монархические и республиканские арабские режимы. Иначе говоря, в первых осуществлялся консервативный тип модернизации, во вторых — радикальный, в 60—70-е годы XX в., как правило, связанный с разного рода социалистическими экспериментами⁸.

⁸ Подробнее см. Труевцев 2005.

С более или менее полным утверждением индустриального общества обе ключевые функции авторитаризма оказываются близки

к исчерпанию. Реалии индустриальной эпохи порождают потребность в новом политическом устройстве. Ускорению этого процесса в немалой степени способствует глобализация, создающая условия для все более мощного воздействия на развивающийся мир стран, уже достигших постиндустриальной стадии. В итоге большинство населения авторитарных государств, и в первую очередь политически активная его часть, утрачивает мотивацию к поддержке существующих порядков и требует их изменения в направлении демократии.

Через эту критическую для авторитаризма стадию прошли многие страны Латинской Америки, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Индонезия и ряд других государств Азии и Океании. Сейчас настала очередь арабского мира. Именно поэтому требование демократических преобразований выдвигалось практически во всех входящих в него странах. Вместе с тем, как уже отмечалось, это требование приобрело разные формы в государствах с монархическим и республиканским устройством. Если в монархиях, таких как Марокко, Иордания, Бахрейн, Кувейт, речь шла об отставке конкретного правительства, реформе избирательной системы, ограничении роли монархов в формировании исполнительной власти, то в республиках (Тунис, Египет, Ливия, Йемен) демократизация почти сразу же стала связываться со сменой политического режима.

Другими словами, консервативные режимы оказались более устойчивыми к кризисным ситуациям, что, в свою очередь, открывает перед ними потенциальную возможность эволюционного продвижения в сторону демократии. Что касается республик, для реформирования которых потребовалось насильственное свержение прежнего режима, то приход к власти в большинстве из них исламистов оставляет вопрос о том, как дальше пойдет в них демократизация и пойдет ли она вообще, открытым.

Библиография

- Труевцев К.М.** 2005. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня*. № 7.
- Труевцев К.М.** 2007. Ислам и глобализация: проблемы адаптации // *Полития*. № 4.
- Труевцев К.М.** 2009. Мировой экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // *Полития*. № 3.
- Almond G., Powell, G.** 1966. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. — Boston.
- Egypt: Gene Sharp Taught Us How to Revolt!** 2011 (globalvoicesonline.org/2011/04/15/Egypt_gene_sharp_taught_us_how_to_revolt/).
- Sharp G.** 1973. *The Politics of Nonviolence Action*. — Boston.
- Sharp G.** 1990. *Civilian-Based Defense: A Post-Military Weapons System*. — Princeton.